

ТИМУР ПУЛАТОВ

Каип давно пережил тот возраст, когда умирают от всякого постороннего — скоротечной болезни, солнечного удара, от укуса змеи или яда рыбы, от слепоты или глухоты, кашля или дурного глаза: старика должны были просто побеспокоить и позвать к себе предки.

По утрам старик выходил во двор, вешал на кол постель из верблюжьей шкуры и, разглядывая вдаль холм, все думал...

Думал Каип, откуда появился тот первый человек, от которого и пошла потом жизнь на острове. Из чего сотворила его природа?

Вначале казалось Каипу, что сделался первый человек из смерча. На холме пещера, и, выпрыгнув оттуда, смерч с пес-

ком понесся к морю, радуясь обновлению. И неся он, ударяясь о валуны и пугая коршунов, и так до тех пор, пока, утомившись, не остановился у самой воды.

И вот тут-то от старания воды, ветра и солнца превратился смерч в глиняный столб, а столб этот, на удивление коршунам, вышел из моря человеком.

Сидели они как-то с Ермолаем на поляне, и Каип поведал другу о своем прозрении, показывая на холм, откуда шел к ним смерч.

— Смотри, человек, — сказал Каип в тихом старческом волнении, наблюдая за столбом пыли.

Ждал, что смерч приблизится и Ермолай сможет увидеть причудливо нарисованный песком грустный лик человека.

Смотрел Ермолай, но так и не увидел — убежал, ибо смерч летел к его дому, чтобы сорвать крышу и двери.

А Каипа смерч повалил с ног и засыпал наполовину. И старик уже наполовину умер — хорошо, откопали его вовремя земляки, люди, которые стали ему давно неинтересны.

В другой раз пришло к Каипу прозрение от змеи. Старик обнаружил ее под шкурой и выбросил на солнце. А к вечеру нашел змею, высохшую всю, кроме глаз.

Взглянув в глаза змеи, удивился Каип: тело твари распрощалось под солнцем со всеми соками, и только глаза были по-прежнему живые.

— Смотри, — принес Каип змею к Ермолаю. — Видишь, глаза змеи никогда не умирают, потому что не грустят и ничему не удивляются, — и показывал Ермолаю свои глаза, чтобы друг сравнил со змеиными.

Знал Каип, что змеи были корнями деревьев. Сползли они в землю и зарылись в песок, где больше жизни, чем на воздухе. А из песка этого и появился первый на острове человек.

Ермолай слушал Каипа и делал вид, что соглашается, хо-

тя на самом деле опыт другого был ему неинтересен: жил он, как и все, только своим опытом...

А море все дальше и дальше уходило от их острова. И люди сказали: от нас уходит рыба. Подобно тому, как предки их говорили: от нас ушел лес, а еще раньше: от нас ушла река, ибо знали, что все слабое в природе уходит, чтобы дать место пустыне...

Ночью, когда на острове ждали путину, старику вдруг приснился коршун. Застонав, Каип проснулся и долго просидел в постели, зная, что теперь умрет: коршун такая примета.

Старик уже был готов к отплытию. Кажется, он успел сделать все: наловил водорослей и перекрыл заново крышу — в доме теперь будет жить сын с женой; со всеми, кого хоть чем-то обидел, помирился; всем, у кого что-то брал, вернул; ел и пил умеренно, чтобы тело не тратило свои соки на мелочи. И смог наконец уговорить сына, чтобы тот вернулся с Акчи, с завода на остров к жене и был бы вместо старика работником дома и в море.

Пугала Каипа смертная суета. Знал он, что просто уходит в другой, долгий и утомительный мир. Знал, что туда уходят и добрые, и злые и что новый мир этот совсем близко, в тех песках, что вокруг.

Боялся он того, что, превратившись в песок, будет долго блуждать в новой своей жизни, доставляя хлопоты живущим.

Станет ветер трепать его и разбрасывать по острову, сползет он в море, и рыбы проглотят его и будут носить песок в утробе и между плавниками. А оттуда попадет он в чужие города и оазисы и будет кружиться в вечном стремлении обрести покой, но так и не найдет его до конца мира.

Каип знал, что немного времени отпущено ему на при-

готовления. Значит, без промедления, сегодня же, надо отплыть на Зеленый остров — там Каип родился, оттуда бежал когда-то, чтобы наказать Айшу... Когда же все это случилось? Старик облизал высохшие губы... Всякий раз, когда Каип думает об Айше, его преследует запах абрикосов. Откуда это? Тогда ведь была жара и в зарослях вокруг Каипа прыгали лягушки.

Недавно он встретил в море рыбака с Зеленого, и тот сказал, что Айша жива, одинока. По-прежнему ловит водоросли, закапывает рыбу в раскаленный песок и продает ее гостям острова.

Там, откуда Каип сбежал, похоронены отец и весь остальной род.

И вот сегодня они позвали его. Надо успеть. И хотя Зеленый виднеется отсюда в тумане, он близок, добраться будет нелегко.

Нужна лодка. А своей у Каипа нет. Нет ее и у Ермолая и у остальных — все лодки собраны бригадой: ждут с часу на час путину. Председатель Аралов отменил все поездки и одиночные выходы в море до особого распоряжения.

В поселке пусто. Вторую ночь уже все на карауле у моря. Только бродят овцы, заглядывая в дома и обнюхивая пороги.

Спят прямо на песке бухарцы — заезжие сапожники. Набросали вокруг себя веревок, чтобы скорпионы не могли поползти к ним и ужалить.

Добравшись неделю назад на остров, сапожники застряли здесь из-за путины. И, чтобы не тратить времени даром, практичные бухарцы весь день вчера стригли островитянам головы, подправляли усы и бороды.

Мимо спящих тихо прошел с кувшином вина осетин Владимир. Сапожники вечером пили у него в погребок, вот и думал Владимир, что, может, кто-нибудь захочет вина и ночью.

Поздоровавшись с Каипом, Владимир, грустный, поплелся к маяку распивать кувшин с приятелем своим, сторожем.

Каип стал раздеваться возле чистого, только что наметенного бархана.

Раздевшись догола, сел, закопал ноги в песок и принялся натирать тело, чтобы заиграла кровь перед дорогой.

Затем он добрых полчаса шлепал по мелкой воде, но, так и не найдя глубокого места, лег недалеко от берега.

Узелок с чистыми штанами и рубашкой, давно приготовленными на этот случай, старик оставил на берегу. Возле узелка сидел и смотрел на Каипа сын Ермолая Прошка, юноша лет четырнадцати с усталым взрослым лицом.

Отец послал его проведать Каипа и отнести ему рыбий жир, если старик болен.

Но старик не был болен. Прошка посидел один, поскучал и бросился в море к Каипу.

На сей раз Каип встретил его недовольным ворчаньем — старику хотелось быть одному.

— Ты что, следишь за мной? — спросил Каип, поднимаясь из воды.

— Отец велел напоить вас рыбьим жиром.

— На что мне жир? Беги обратно... Нет, постой, ты с причала?

— Да. Приезжал бригадир. Поругал всех и ушел.

— А лодки все на привязи?

— Все. Отец на карауле... Хотите половить рыбку? — лукаво заулыбался Прошка.

— А что? Ведь ловят же другие...

Прошка удивленно вскрикнул, все еще не зная, шутит Каип или же вправду решил воровать — за ним ведь никогда не замечали такого греха, даже в самые трудные дни.

— Ну, беги, — таинственно проговорил Каип, и по тону его Прошка решил, что старик действительно собрался на ночной лов и просит хранить это в тайне.

Отправив Прошку, Каип оделся и пошел к причалу, надеясь, что никто его больше ни о чем не спросит, не потревожит.

Все двадцать семей, живущих на острове, были в этот поздний час на молу. Семьи казахов и родственных им каракалпаков, таджиков, узбеков и уральских казаков, переселенных сюда сто лет назад.

Был часовым приказ: заметят в море катер или увидят, как хлопнула и загорелась в небе ракета, разбудить всех и выстушать.

Рыбаки должны направить свои лодки к дельте реки, к Северному островку, где дежурит председатель Аралов, и соединиться там с рыбаками соседних островов.

Никто не имел права действовать самовольно или же отлучаться в эти дни с острова ни под каким предлогом — за это было обещано строгое наказание.

Ждали, что огромный косяк рыбы пойдет мимо острова к дельте реки в нерестилища. Вот тут-то его и должны были подстеречь, окружить и выловить.

Недавно уже поднимали рыбаков по тревоге. Но, когда добрались к дельте реки, выяснилось, что надо возвращаться обратно по домам — то ли косяк ушел туда, где его меньше всего ждали, то ли летчикам от усталости просто что-то померещилось.

На узкой полосе мола теперь и варили, и ели, и спали, и любили. Калихан умер здесь вчера от старости.

Спрятавшись в камышах, Каип наблюдал за спящими, видел, как дремлет, держа перед собой тлеющий факел, часовой Мосулманбек — злой натуры старик.

Все же остальные не были видны в полумраке. И только по тому, кто в какой позе сидит, Каип узнавал их и вспоминал имена и клички — Кашча, Палван, Безбородый Ванька...

Почему-то вспомнил Каип, как приехал однажды бригадир на проверку и вот так же, спрятавшись в камышах, закричал

во всю глотку, чтобы подшутить над спящими: «Эй, Кашча!» — и выпала у старика из руки кость, которую он грыз, и уснул с ней. И все проснулись и захохотали, крича: «Кашча, Кашча!» — и толкали старика в песок, и тот, стыдясь, пополз куда-то в темноту.

Слышно было, как трутся друг о друга боками лодки, как скрипят они, ударяясь носами от ветра. Самих лодок не было видно: спрятаны за камышами в бухточке, где сторожем Ермолай. Каип вышел из воды и неслышно подкрался к Ермолаю, сел. Чуткий Ермолай тут же очнулся и уставился на Каипа, заметив в нем многие перемены.

Глубокие, пораненные солью морщины чуть сгладились, на мертвых пятнах щеки, где ранее не росла борода, пробились черные волосы, а в глазах, с мольбой смотрящих на друга-часового, исчез желтый, болезненный цвет, и перестали они слезоточить.

— Что случилось? — заволновался Ермолай.

Каип не знал, с чего начать.

— Ты ведь, кажется, болен? — продолжал недоумевать Ермолай.

— Мне нужна лодка. Вернусь к утру, — сказал Каип.

Сказал и сам удивился, но не тому, что легко солгал, хотя уже не имел на это права, а тому, что Ермолай, не спросив ни о чем, согласно кивнул. Не знал старик, что Прошка после их разговора прибежал к отцу: «Вот видишь, отец, и дядя Каип теперь воровать собрался, а ты говорил — святой он...» — «Молчи, не понимаешь ты многого», — прогнал Прошку отец и, пока Каип пробирался к причалу, о многом передумал и, ничуть не осудив друга, задремал в тоске.

Ну что же, Каипу, верно, захотелось половить рыбу. С такими просьбами почти каждую ночь обращаются к часовым, и те, уверенные, что и сегодня лодки не пригодятся для путины, соглашаются помочь на свой страх и риск. И в виде мзды берут потом у ночных воров часть рыбы.

— Не успеешь ты до рассвета, — трезво рассудил Ермолай.

— Успею, успею, — заверил часового Каип. — Не беспокойся.

— Смотри! — для пущей убедительности сказал Ермолай, обиженный тем, что Каип не делится с ним подробностями своей ночной вылазки.

С трудом пробирались они к бухточке, путаясь в болотных растениях, которыми покрылась вся прибрежная полоса моря. Трудно было также и из-за паров, осевших в камышах, задыхались. Как только сгибали камыши, пар окутывал их с ног до головы, покрывая тела липкой желтой водой.

Раз на их пути повстречались люди. Отчаянно гребли они, пытались выбраться из камышей на берег, кричали и ругались и, чем больше нервничали, тем глубже запутывались в зарослях, теряя дорогу.

Каип спрятался, а Ермолай подошел к лодкам и начал переговоры.

Люди эти оказались рыбаками с соседнего острова, поднятыми ложной тревогой. Как и люди Песчаного, они ждали путину — и вот в полночь пришел приказ идти курсом к Песчаному, откуда якобы и должен пойти косяк.

Ермолай все толково объяснил соседям, и те, успокоившись, повеселели и повернули лодки обратно.

Еще долго были слышны их голоса в море, затем в тишине только плеск весел, а когда соседи уплыли далеко, кто-то из них запел.

Голос его, приглушенный и искаженный морем, был похож на крик заблудившейся птицы, потом все утихло.

Когда пришли в бухточку к лодкам, Ермолаю захотелось посидеть немного с другом, покурить, но Каип очень торопился. И показывал на небо, откуда подкрадывалось утро нового, тревожного для него дня.

Они выбрали большую крепкую лодку, освободили ее от

цепи. Каип упал, поскользнувшись об ил, рассек подбородок, но боли не почувствовал.

Далеко в море Каип наконец взобрался в лодку.

Ермолай не уходил назад. Он плыл за лодкой Каипа и подталкивал ее.

На острове, откуда Каип уплывал навсегда, последним приветом мерцал огонек факела.

Потом зажегся второй факел, третий, и вскоре на всем берегу замигали огни, споря о чем-то с высоким маяком на холме.

Когда Каип опомнился, Ермолая уже не было возле лодки. И только по тому, как вдалеке плескалась вода, старик догадался, что друг благополучно добрался назад, на остров.

Нет у Каипа времени ни сожалеть, ни предаваться воспоминаниям. Ни тем более думать о будущем — впереди все неизвестно.

Он плыл. Он знает в море каждый риф, каждую скалу и каждое течение.

Скоро лодка одолеет полосу, где остров омывается морем, обогнет треснувшую пополам скалу, на которой стоит слепой маяк, и дальше надо плыть по течению реки.

Всегда ленивая, эта река, впадая в море, образует быстрое течение, перекатываясь через пороги; поймав лодку, стремительно несет ее и кружится вместе с судном. Если хоть раз дрогнет рука или зазеваается рыбак, на третьем или на пятом круге можно оказаться выброшенным в море. Лодку опрокидывает вверх дном, а на рыбака наваливаются бревна и гнилые ящики. Нужно достаточно мужества и сноровки, чтобы спасти лодку.

Зато потом уже до самого Зеленого лодку саму несет другое, мирное течение — тишь и благодать!

Но и здесь отдых длится недолго. Впереди, в прибрежных водах Зеленого, лодку подстерегает более тяжкое испытание.

Рассказывали Каипу, что в иные дни во время приливов никак не удастся пристать к берегу. Идя ровно и быстро, лодка в какое-то мгновение срывается и бежит, бежит безостановочно, несет ее вокруг острова, не приближая и не удаляя ни на дюйм, словно что-то притягивает судно к себе и не отпускает, ждет, пока прилив не сменится отливом.

С берега, конечно, могут заметить лодку и выловить ее канатами. Но чаще всего на берегу возле лечебницы сидят больные. И единственно, что они могут сделать, — это звать других, здоровых, на помощь, если таковые бродят поблизости.

Никто не может объяснить, что происходит с течением в такие дни, но таких дней, к счастью, не очень много. Чаще всего вода вокруг Зеленого спокойна, даже мертва, и лодкам, пристающим к берегу, не грозит опасность.

Сделав два резких круга, лодка Каипа выбралась в безопасную зону, старик вынул весла из воды и, тяжело дыща, лег на дно — лихорадило. Он даже подумал, что, истратив последние силы на борьбу с течением, теперь не встанет — умрет раньше времени. А ведь старику хотелось о многом важном переговорить с самим собой, с этим морем, где прошла его жизнь, с рыбами, чайками.

«Он породил меня, пустил повидать свет и вот теперь сказал: ну довольно, возвращайся. Вот так и я позову сына. Видно, все мы в роду не можем друг без друга: будем плавать рыбами, собравшись в косяк», — подумал Каип об отце Исахе.

И сразу же из глубины сознания всплыло детство, то, что Каип лучше всего помнил, сохранил в себе, сберегая чистым и ясным.

«В тот год мы сидели без рыбы — в море был шторм...—

вспоминал старик. — Сейчас, видно, море устало: когда сердится, поползет на берег, потом, одумавшись, возвращается, забрав с собой самую малость — камни и ракушки... Подобрело море. А в тот год ему нужны были людские тела...

Отец лепил и обжигал кувшины. Потом топил в море — никто их не покупал. «Будет пророк наш, господин Сулейман, запечатывать в моих кувшинах джиннов», — мрачно шутил он...

Отец построил себе новый дом, а нас с матерью оставил в старом. Мать с ума сходила, хотелось ей ласки, но отец гнал ее. Странно, но у старух соки живут дольше, чем у стариков, к семидесяти годам к ним возвращается девичье сумасшествие.

В то утро, когда отцу вдруг приснился коршун, мы с матерью работали во дворе. Мать подумала, что уходит отец за хворостом, и приказала мне вынести ему веревку. Старухи никогда не знают, когда уходят их мужья. Впрочем, старики тоже. Я вот тоже не знал о моей старухе. Она умерла просто, так же просто, как и жила. Уснула — и умерла, не простившись. Старух, видно, никто не зовет. Мужчины хотят жить сами в своей второй жизни, бестелые и бесплодные...

Река была высохшая. Хрустела соль под ногами. Странно — отец шел, поглядывая на дно реки, боясь раздавить всяких жучков. А твари эти, жучки, осмелев, цеплялись за штанину отца и царапали ему ноги...

Вскоре отец пришел к тому месту, где обычно прятал синок. Он опустился на колени и освободил еле живого зайца. Казалось, что отец, как всегда, свернув шею зайцу, спрячет зверька за пазуху, радуясь удаче. Но он разорвал на себе рубашку, старательно перевязал зайцу пораненные лапы, положил на живое мясо корни саксаула для лечения. Затем просунул язык в горло зверька и напоил зайца влагой из своего тела... Заяц встал на лапы и, оглядываясь, ушел в пустыню...

За свою долгую жизнь отец истребил много всякого без-

защитного зверья, вырвал и сжег траву и кустарники, перерыл пустыню и выловил живое в море — жил, как и все пастухи, охотники и рыбаки, чтобы прокормить семью. И вот теперь, когда природа позвала его к себе, пришло к отцу желание хоть как-то искупить вину, хоть что-то восстановить в природе, сделать так, как было до него, будто он, отец, никогда и не был среди нас, людей...

Было страшно, — вспоминал Каип. — Я побежал к отцу, но он продолжал смотреть, как уходит заяц. Отец был уже наполовину мертв. То, что еще жило в нем, помогло отцу встать. Словно он еще надеялся. Словно не знал, что сильно добро живого, а мертвый все напугает и усугубит.

Так шел отец, поправляя кусты и освобождая разных тварей из плена, ветер же тем временем выдул из него все тепло и унес в пустыню, усиливая зной...

Я заплакал и бросился в поселок звать людей. И когда мы вернулись, отец уже лежал на песке и над ним кружились коршуны. Он даже не успел порадоваться. Ведь прилетели коршуны, чтобы съесть его труп и восстановить в природе разумное...»

Каип, забеспокоившись, с трудом приподнялся, сел и ухватился за борт лодки.

Прищурил глаза и вдруг отчетливо увидел Зеленый остров — огромную черную скалу в тумане.

Родина! Родина!

Среди камней и зеленых холмов здесь бьет родник, окруженный деревьями. И тем, кто привык уже к унылому образу моря, зеленый мир острова видится, как чудо, как плата за долгий путь и усталость. Ведь не зря здесь, на Зеленом, собраны со всего моря больные и немощные в одной большой лечебнице.

И еще слышны голоса людей, идущие не то с берега, не то из глубины острова, и как что-то большое, металлическое

работает зубчатыми колесами, как бьется жернов о камень. Одни только звуки...

А как там, у берега? Примет ли Каипа родина, или же лодку его бросит в стремительный бег вокруг острова? Умереть у врат родины — можно ли придумать человеку более постыдный конец?

Каип опустил весла и стал помогать лодке. Но от его движений лодка ушла в сторону — ей надо самой плыть навстречу неизвестному. И человек тут не помощник.

Каип лег, вновь почувствовав усталость. Все, что должно быть, будет, решил старик, на большее рассчитывать не приходится.

Так лежал он с закрытыми глазами, и по тому, как брызги запрыгали ему на лицо, Каип понял, что течение начало меняться...

«Только бы успеть ее повидать, — подумал Каип. — Выйду на берег... Она должна быть уже очень старой. Тот рыбак говорил, что она бродит возле больницы, предлагая копченую рыбу. Там я и найду ее... Хорошо, что я успел позвать сына обратно на остров, к жене. К старости я, кажется, подобрел. Но добреем мы уже тогда, когда устаем от суеты. Поздно добреем... Интересно: все ли, кто совершил когда-то подлость и предательство, все ли терзаются? Или есть и такие, в ком совесть давно умерла? А сами они уходят в могилу пустыми и бездушными. Как будто с них уже никто ничего не спросит...»

Неожиданно старик услышал странный гул — лодку сильно качнуло, понесло в сторону. Раздался отчетливо чей-то голос: «Стой, стрелять начну!» — и за бортом затрясся высокий, как скала, черный предмет.

Каип хотел подняться, но не смог. Лодку снова тряхнуло — и старик упал, ударившись головой о днище. В лодку полетел канат и последовал приказ:

— Завязывай!

Каип, повинувшись, взял канат, но от неожиданности, потеряв всякую сообразительность, не знал, что и куда завязывать. Лучше бы ему приказывали и направляли.

За бортом, видно, это поняли, стали ругаться:

— Ты что медлишь? Быстрее! Да так... ползи. Не выпускай канат, слышишь? К носу, куда пополз?! Теперь завязывай! Не так! Узел делай, узел...

Канат, привязанный к носу лодки, натянулся. За бортом снова загудело, и лодку Каипа понесло куда-то.

Спасение, обрадовался старик, спасение! И подумал, что его, должно быть, заметили с Зеленого и пришли на помощь. Видно, такова у них профессия, переправлять лодки через опасности — лоцманы.

Каипу стало стыдно — он лежит, а они работают на него. Решил подняться и хоть чем-то помочь. Но сколько старик ни пытался встать, волны били его в лицо и снова валили на спину.

Каип успел только заметить, что везет лодку катер.

Когда с катера шли приказания, казалось, что дают их десятки людей. Сейчас же катер почему-то был пуст.

Куда же подевались люди? Возможно, исполнив свое дело — взяв лодку Каипа на буксир, — все они спрыгнули в воду и решили следовать за лодкой вплавь. На всякий случай. Ведь может же быть такое — от большой скорости Каип вывалится из лодки, а люди эти тут как тут, не дадут ему утонуть

Только плывут они что-то долго. Каип уже много раз ударялся головой о борт и чуть не терял сознание. И лишь надежда спасала старика от отчаяния.

За это время можно было бы уже добраться к Зеленому.

Что же тогда произошло? Может, и большие катера в прилив не могут пристать к берегу? Может, не случайно люди покинули катер, чтобы капитан сам выпутывался из сложного положения?

Каип хотел что-то сделать, хоть как-то помочь капитану, сделать все, чтобы не сдаться, и умереть лишь в том случае, если борьба станет бессмысленной...

IV

А катер тем временем благополучно приплыл к одному безымянному островку, отмеченному в донесениях номером К-34. Остановился, войдя в бухточку. Покачнувшись, остановился следом и лодка Каипа.

— Вылезай! — было приказано.

Каип повиновался. Все еще кружилась голова.

Человек, давший приказание, ростом почти в два раза выше Каипа, стоял уже в воде с ружьем. В случае, если Каип вздумает бежать, он сделает предупредительный выстрел.

— Выходи на берег. И не вздумай шутки шутить. Не может.

Окончательно рассвело.

Каип разглядывал островок, пытаясь понять, куда его привезли. Голый маленький островок, шагов пятьдесят в длину, с маяком и единственным белым домиком возле холма сразу вспомнился старику.

Человек — Каип его никогда ранее не встречал — прыгнул в лодку. Стал в ней шарить, бросив весла с носа к корме.

— Все-таки успел выбросить в море, — сказал он, продолжая что-то искать.

Старик даже и не пытался понять, чего он хочет. Был равнодушен ко всему.

— Ага! — обрадовался Али-баба (так звали незнакомца). — Единственная, но очень важная улика. Вот она! — Нашел маленькую, с мизинец, дохлую рыбешку, видимо прибитую волной, и показал Каипу, чтобы и старик убедился. Затем аккуратно, словно это была поднятая со дна моря

золотая царская монета, завернул находку в носовой платок и спрятал.

— Видел, какая она маленькая? — продолжал Али-баба. — Зато ее вполне достаточно, чтобы посадить тебя на целых два года!

Каип, выслушав странного незнакомца, первым пошел к берегу — надоело стоять в воде.

— Ты куда это? — бросился за ним Али-баба. — Самовольничаешь? Стой! Пойдешь, когда я тебе прикажу!

Пока он возмущался, Каип уже ступил на берег. И Али-баба подумал, что теперь нет смысла возвращать его обратно в воду.

На острове Али-баба снова побежал вперед, приказывая Каипу:

— Ступай за мной! Отсюда ты уже никуда не убежишь. А если и сбежишь, утонешь в море. Тебе что выгоднее — смерть или два года тюрьмы?

Каип решил не утруждать себя ответами, поняв наконец, что перед ним сам рыбнадзор — страж моря.

— Молчишь? — возмутился Али-баба. — Ничего, заговоришь там, где нужно.

Только раз появился у Каипа интерес к этому человеку, но потом старик снова заскучал, найдя незнакомца глупым и заносчивым.

У входа в белый домик было прибито на шесте чучело беркута. И как только хозяин открыл дверь, чтобы войти, беркут покачнулся и потерял перо.

Внутри домика в единственной его комнате стоял стол, а на столе рация. В каждое из четырех окон были вставлены приборы, чтобы обозревать море в шторм или в случае, если рыбнадзору лень выходить наружу.

— Вот здесь моя крепость, — сказал Али-баба, садясь за стол. Сказал он это с теплой, человеческой интонацией, радуясь тому, что старик делит с ним одиночество.

Каип в ответ кивнул, как бы одобряя его житье-бытье.

— Так вот, — сказал Али-баба, вынимая и раскладывая на столе платок с рыбешкой-уликой. — Ты кто и откуда? — Он внимательно разглядывал старика, стараясь припомнить, задерживал ли он еще когда-нибудь этого рыбака. — Молчишь? — Он действительно никогда раньше не встречал этого рыбака и посему еще больше нахмурился, думая, что, если он никогда раньше не ловил этого рыбака, значит, воровал он до сего времени безнаказанно. Вот почему старик ведет себя независимо, чувствует превосходство.

Ладно. Али-баба решил мстить ему и за прошлые не раскрытые преступления, которых, он уверен, много на совести Каипа.

— Вот такие, как ты, разбазарили все море! — сказал Али-баба. — Где наши знаменитые лещи? Где сазаны? Усачи? Отвечай!

Каип стоял и смотрел в окно и только обрывками слушал Али-бабу. Он никак не мог сосредоточиться. Только раз подумал о чем-то связанно, подумал, что ему безразлично, за кого его принимает незнакомец. Совесть Каипа чиста, и следовательно, все, что говорит здесь Али-баба, не относится к нему.

— С какого ты острова? — спросил Али-баба.

И, когда Каип назвал, Али-баба тут же связался с Песчаным по радио.

— Послушай, — сказал он бригадиру, — тут твой один сидит. Сейчас составлю протокол и отвезу в Акчи. А ты там проведи с остальными воспитательную работу, понял?

Выслушав Али-бабу, бригадир Непес в сердцах выругался, и Каип так и не понял, к кому относится его ругань, хотя и очень напрягал слух, потому что голос по радио был голосом, пришедшим с Песчаного.

Конечно, каждый такой пойманный на руку ему, Али-бабе. Если к концу сезона остров не выполнит плана, Али-

баба встанет и снажет на совещании: вся рыба ушла в руки воров и виноваты в этом прежде всего бригадыры и председатель: плохо ведут воспитательную работу.

— Хорошо, — ответил Непес. — Сейчас же соберу своих для беседы... Но послушай, Али-баба, ты ведь знаешь, что путина...

— И не проси, — прервал его Али-баба. — Все равно не отпущу! Хватит! Не могу же я каждый раз нарушать закон...

— Обещаю, — пришел ответ по радио. — Как только проведем путину, сразу же начнем против него расследование. Прошу тебя, отпусти под расписку. Каждый рыбак и каждая лодка на учете — с меня три шкуры сдерут.

— Нет, на этот раз все будет по закону! Распустили, понимаешь, людей... — То ли от искреннего возмущения, то ли от желания подчеркнуть свою власть Али-баба резким движением выключил рацию, прервал разговор.

И сказал, повернувшись к Каипу:

— Слышал, судить тебя будем. Сейчас составлю протокол и отвезу тебя в Акчи, — последнюю половину фразы он произнес медленно, обдумывая что-то.

А обдумывал Али-баба — стоит ли на самом деле везти старика в Акчи. Надо составлять протокол, вытягивая из этого неразговорчивого старика слово за словом. Затем посадить его на катер... На дорогу уйдет два с лишним часа, и только к полудню он сможет сдать Каипа милиции. По правилам, рыбнадзор может сам вызвать на остров береговую милицию, но обычно по таким пустяковым делам она приезжает раз в три-четыре дня. Ведь браконьер — не убийца, можно не спешить.

Предположим, Али-баба все же повезет старика в Акчи, но где гарантия, что милиция слово в слово не повторит сказанное бригадыром Песчаного — следствие начнем после пу-

тины, а сейчас, взяв у старика расписку, отпустим, пусть поработает еще.

Все в эти дни подчинено одному — путине, и посему в законы и правила можно внести поправки. Лишь бы ничто не мешало удачному лову. Заводы Акчи ждут рыбу...

Подумав обо всем этом, Али-баба снова вызвал по радио Песчаный.

— Слушай, ну что там слышно о косяке? Когда он уже, окаянный, двинется в наши края?

— Пилоты обещают, скоро, — был ответ Непеса, — с часу на час...

— А что там в косяке — лещ?

— Кто знает? Если бы только лещ, брат, мы бы все планы покрыли по ценной породе.

— Должен быть лещ, должен, — убежденно проговорил Али-баба.

— Дай бог. С первого же улова пришлю тебе попробовать, — обещал Непес и спросил: — А как зовут его, задержанного?

Каип назвал себя.

— Каип, говорит. Есть у тебя такой?

Бригадир снова выругался в сердцах. И обратился к старику:

— Что с вами, отец? Никогда ведь вы?.. — спрашивал Непес растерянно. — Мы вас в пример ставили, честность вашу и святость... Судить вас теперь будут...

— Ты брось с ним таким тоном! — прервал душеизлияния Непеса Али-баба. — С лучшего рыбака и спрос должен быть строгим. Что его толкнуло на преступление?

Каип хотел ответить Непесу, но потом передумал, считая, что ему, невиновному, унинительно оправдываться.

— Прав ты, Али-баба, судить его надо, — согласился Непес, чтобы не осложнять дело. — Только почему он мол-

чит? Заставь его сказать что-нибудь. Жив-здоров ли он там? — заволновался Непес.

Зная, что Непес вполне искренен, Каип тихо сказал из своего угла:

— Жив я, Непес...

— Слышал? — передал в эфир Али-баба.

— Пусть он только вернется на остров, — пригрозил Непес. И хотел выключить радио, ибо все это осточертело ему.

— Постой, постой! А как он будет добираться обратно, об этом ты подумал?

— Пусть на своей лодке и возвращается, — был ответ с Песчаного.

— Сбежит, ответишь сам.

— Возвратится. Он человек совестливый! Ругать себя будет за этот случай.

— Пусть ругает. И мы со своей стороны добавим, — сказал Али-баба.

— Это само собой. Прощай!

...Время уже близилось к полудню, а Каип все еще был гостем Али-бабы, вернее, его пленником. Всякий раз перед тем, как увезти браконьера в Акчи, Али-баба знакомил его с островом, месторасположение и очертания которого составляли особую гордость хозяина.

— Если бы ты вздумал бежать, старик, утонул бы в море, — сказал Али-баба, приведя Каипа на южный берег острова, который неожиданно обрывался с возвышенности. — Видишь, как здесь высоко. Если бы ты, допустим, прыгнул — покалечил бы себе ноги. Смотри, там, внизу, торчат из воды острые камни, — рассказывал Али-баба. — Значит, этот берег не годится тебе. Пошли дальше.

На другом берегу, куда они пришли, Али-баба показал

на песчаный холм. Холм, ослепительно белый, резал до боли глаза.

— Это окаменевшая соль на вершине, — объяснил Али-баба. — Допустим, ты все же убежал от меня и стал карабкаться наверх. И вот тут-то эта соль и порезала бы твои руки. Видишь пятно на склоне? Это кровь. Того самого беркута, которого ты видел возле моего домика. Одурманенный парами моря, беркут этот упал с вершины мертвый...

Каип от усталости сел на песок, обо всем это он знал давно. Али-баба же продолжал с удовольствием знакомить его с островом-ловушкой, так удачно сотворенной морем.

— Единственное место, откуда ты смог бы убежать, — сказал Али-баба, садясь рядом с Каипом, — это пристань, где стоит мой катер. Там нет никаких преград, море близко и глубоко. Заманчиво, правда?.. Но это лишь на первый взгляд. Метрах в пятидесяти от берега крадется незаметно течение. Вначале тебе покажется все приятным, течение само несет твою лодку, не надо напрягаться, работать веслами — благодать! Так продолжается долго, очень долго. И вот когда твоя бдительность окончательно усыплена и ты, может быть, даже сладко задремал, течение неожиданно подхватывает лодку, переворачивает ее раза два и — о ужас! — делает твоим гробом...

V

Каип продолжал плыть к Зеленому острову.

Казалось старику, что теперь никакие случайности и нелепости не отклонят его лодку от курса. Был уверен, что пойманный раз Али-бабой, не встретит его вторично.

Могут быть другие, естественные преграды, например течение, подводные камни или мели, но людей опасаться теперь нечего. Разве что Непеса: обеспокоенный долгим отсутствием старика, он может послать на поиски баржу. Но может и не послать. В суете, готовясь к путине, забудет.

Каип покинул островок Али-бабы в полдень, когда море было грязно-матовое, с черными от волн пятнами. Временами, когда ветер утихал, море устало замирало и напоминало студень, разрезанный на куски, — это шевелились мелкие течения. И по мере того как море мелело, таких течений становилось все больше.

Каип не отдыхал теперь. Только иногда наклонялся, чтобы черпнуть за бортом воду и протереть лицо — кружилась голова. Очень хотелось есть.

Но кто мог знать, что путешествие продлится так долго? Каип взял бы с собой еды и питья.

Долго море было пустынно — даже чайки не летали. Оно навевало грусть и воспоминания — от них Каип, как и от самого себя, не мог никуда убежать.

«Случилось это году в четырнадцатом, во времена баев и хозяев. Тогда многие русские уплыли в Россию воевать. Увозили с собой и наших. Меня же оставили кормить мать. Сколько же мне было? Двадцать, а Айше, значит, восемнадцать... Каримбаю сейчас было бы столько же, сколько и мне...

Когда сын господина заводчика приезжал из Акчи к нам на остров, я всегда боялся чего-то и от волнения становился дерзким и говорил глупости Айше. А однажды даже приказал матери спрятать ее в хижине. Имел право убить ее, мою невесту. И за ее будущие страдания отдавал отцу Айши поллодки рыбы в месяц...

Каримбай приезжал к нам поохотиться и половить рыбу. И видно, не столько он сам, сколько двое дружков его, огромных и молчаливых юношей в дорогих одеждах, с кривыми бухарскими ножами за поясами, наводили на меня страх...

Каримбай, сын господина заводчика, был юношей добрым, с хорошими манерами. Он всегда привозил с собой полную лодку подарков, разных разностей, которых никто у нас

на острове никогда не видел: водку — старикам, фрукты и конфеты — детям, бусы и мануфактуру — женщинам, все, что продавали тогда в лавке его отца в Акчи. Каримбай собирал народ на поляне и раздавал всем подарки. И люди, удивляясь его доброте и щедрости, брали каждый свое и расходились...

Мне он однажды подарил часы и объяснил, как ими пользоваться. Часы эти сейчас покоятся на дне моря где-то между Зеленым и Песчаным...

Судя по всему, Каримбай не любил своего отца. И однажды сказал людям, что, когда отец умрет и он станет заводчиком, купит у русских крепкие быстроходные суда для нас и будет платить за рыбу в два раза больше — тогда все на Зеленом разбогатеют, не будет голодных и больных...

В тот свой последний приезд он подарил Айше длинные бухарские серьги. И мне показалось, что он как-то по-особому был внимателен к ней. И еще эти его дружки стали шептаться между собой, хихикать, потеряли спокойствие, засуетились...

Когда они ушли в глубь острова поохотиться, я позвал Айшу в заросли саксаула за родником. Не помню уже, что я тогда говорил ей и чего требовал. Может быть, чтобы она выбросила его серьги, не помню. Главное, мне надо было отругать ее, неважно за что. Как всегда, я очень нервничал...

Ссорились мы с ней часто, особенно с тех пор, как на остров стал приезжать сын заводчика, виной всему был мой беспокойный, вспыльчивый характер. Айша всегда безропотно слушала мои жестокие, несправедливые упреки. Тихо плакала, уйдя куда-нибудь в заросли подальше от людей...

В тот роковой день она с тоской и мольбой смотрела на меня, прося быть справедливым. Видно, душа ее была полна дурных предчувствий...

Натура ее была более тонкой, чем моя. Она предугадывала многое из того, к чему я был глух. Чувствовала приближение лунного затмения, несчастья, вся жила в природе, близко к богу...

Я наговорил Айше много обидного. И, оставив ее в густых зарослях, ушел на поляну и лег там на песок, ожидая, что Айша, как всегда, придет ко мне просить прощения...

День был душным. С моря выползали пары и стелились низко над песком. Вокруг меня прыгали лягушки, согнанные парами из воды. Услышав их жалобные голоса, вылетел из зарослей и закружился надо мной коршун...

Солнце и пары расслабили меня, а лягушки усыпили, я задремал. Я не спал, но и не бодрствовал, и, как обычно в таком состоянии, меня стали посещать разные видения — чьи-то искаженные лица, хромающая лошадь вошла в воду и поплыла, тревожно подняв морду. Я вздрагивал, просыпался и снова погружался в дрему...

Пролежал я в таком состоянии не более часа. Забеспокоившись, поднялся и посмотрел вокруг — стояла та особая тишина, когда даже собственный страх становится звучащим...

Я попытался позвать Айшу, но губы и горло высохли во время сна, голос пропал, и вместо крика вышло бормотанье...

Я пошел в заросли, к тому месту, где оставил Айшу. Мучила жажда. От легкого движения кружилась голова, одурманенная парами. Я ругал себя, что, поддавшись слабости, задремал на песке...

Меня окружали голые серые кусты саксаула. Кусты давно высохли и, окаменев, стали еще более крепкими, и ветер облетал их стороной. Я понял, что заблудился: шел уже долго, но никак не мог найти той маленькой поляны, где мы сидели с Айшой...

В том месте, где я оказался, кусты стояли так густо, что закрывали все в двух шагах. Сделал два шага, но дальше все опять закрыто наглухо. И тут я оказался лицом к лицу с Каримбаем и его друзьями, вышедшими ко мне из зарослей...

Мы с Каримбаем растерялись. Зато у друзей его при виде меня лица замкнулись, ничего не выражая, и только в уголках глаз я прочел... Кажется, усмешку и презрение...

Я кивнул им и решил броситься в сторону. Но не успел сделать и движения, как Каримбай стал убегать, ломая кусты, словно был перед ним сам дьявол...

Я стоял пораженный. Дружки вместо того, чтобы пуститься за сыном хозяина, так же молча, усмехаясь, смотрели на меня... И я понял, что они задумывают что-то злое. Я бросился перед ними на колени, умолял и просил пощадить...

И тогда они пощадил меня. Оттащили в сторону, подняли на ноги и толкнули далеко в заросли. Я упал лицом в песок и тут же вскочил, чтобы бежать. Вокруг защитной стеной стоял саксаул — не было слышно ни криков, ни голосов. Я счастливо избежал побоев...»

...Каип, встревоженный, вынул весла из воды. Радуюсь тому, что так удачно ушел от Али-бабы, он даже и не подумал, в ту ли сторону ведет свою лодку.

Казалось, можно плыть по течению и оно приведет лодку к Зеленому. Лодку чуть клонит в сторону, значит, плывет верно...

Теперь же, когда прошло много времени и Каип увидел на горизонте очертания незнакомого острова, понял, что заблудился.

Каип стал думать, как быть дальше: плыть ли к незнакомому острову или же поворачивать обратно. Вернувшись к Али-бабе, он попросит связать его с Песчаным. И пусть Ермолай придет за ним. Сам Каип может окончательно выбиться из сил без еды и питья. Оттуда они вместе поплывут к Песчаному, а ночью Каип снова отправится в путь к родным берегам.

Нет, все это неразумно. Рыбнадзор Али-баба опять в чем-то его заподозрит. И неизвестно, сколько времени продержит у себя.

Будь что будет — Каип поплыл к острову. Чужим рыбакам нет до него дела. Чужие ни о чем не спрашивают, ни

в чем не подозревают. Каип узнает, куда ему плыть, чтобы попасть к Зеленому. И попросит поесть.

Не желая приставать к берегу, Каип остановил лодку в прибрежной воде, лег и стал наблюдать за островом и за людьми в лодках и баржах.

Остров был белый и ровный, как кусок льдины. В отличие от Песчаного, тихого и малолюдного, здесь была заметна жизнь — работали две-три машины, разгребая соль, а лодки и баржи отвозили ее куда-то.

Когда одна из лодок приблизилась, Каип спросил, не знает ли кто, в какой стороне Зеленый.

Люди в лодке заспорили: один показывал направо, другой налево, вспоминали, как везли туда соль и еще что-то, спорили долго и чуть не передрались между собой — так хотели помочь Каипу.

Слушая их, Каип понял, что, в сущности, никто из них никогда и не слышал о таком острове. Тогда, может быть, уважаемые покажут ему путь к Песчаному?

К Песчаному? Конечно же! И опять заспорили, показывая в разные стороны: один — в сторону Акчи, другой — на север, в сторону казахских степей.

Спор кончился лишь после того, как каждый угостил Каипа куском хлеба и жареной рыбы, дали ему и кувшин воды. И еще предлагали старику остаться на острове переночевать. А завтра с новыми силами он сможет продолжить поиски.

Каип поблагодарил их и поплыл дальше.

Он впервые поел за это время — руки дрожали, когда отламывал хлеб, не жевал, а глотал пищу.

Только счастливый случай мог привести теперь его лодку к Зеленому или Песчаному.

Отплыв далеко, Каип оглянулся и вдруг вспомнил, что уже раз проезжал он мимо Соленого острова.

Было это очень давно, в детстве, когда отец, незадолго

до смерти, решил объездить с сыном все острова, чтобы поглядеть на родину и проститься с ней.

Тогда в первое свое путешествие Каип не встречал на Соленом людей — теперь человек поселился и на Соленом, занявшись новым промыслом.

Море здесь жило полной жизнью — над лодкой Каипа молча кружились чайки. Видно, проследили путь рыбы и, чтобы скрыть свою тайну от человека, старались не тревожить его криками.

Вскоре Каип увидел еще один обжитой остров. На берегу, опустив ноги в воду, сидели два старика, судя по всему, странники. Они дремали после длинной дороги. Потом появился третий и стал вытаскивать из лодки на берег мешок. Он долго развязывал его, развязав, вынул сухую лепешку. Разделил ее на равные три куска и стал будить товарищей.

Проснувшись, те стали ворчать на третьего, махали руками, но потом успокоились и принялись есть лепешку.

Потом и эти трое скрылись из виду.

До вечера Каип успел проплыть мимо десятков островов, больших и малых. Многие из них были знакомы старику еще по первому путешествию, но попадались и голые, безлюдные, появившиеся на свет недавно.

Это были крохотные островки, бывшие рифы и подводные скалы, поднятые на поверхность вместе с водорослями и рыбами; ветер не успел еще сдуть все это в море, и старику казалось, что, услышав шум весел, водоросли поднимаются, чтобы поглядеть на того, кто их потревожил.

Каип, как правило, объезжал эти острова, рассматривая берега со всех сторон, ему было интересно поглядеть на места, бывшие еще недавно морским дном: ведь дно — это кладбище лодок и людей.

На больших островах, заметил Каип, жизнь за полвека рыбацкой власти во многом изменилась. Там, где некогда ползли пески, появились новые поселки и заводы. У прича-

лов стояли баржи и суда покрупнее, груженные солью, оловом, гранитом. И там, где больше не ждали чуда от моря, а занялись новыми промыслами, было видно оживление и чувствовался достаток.

Уже исчезли на островах у дельты реки те страшные болота, пары которых разносили в старину из селения в селение чуму. Болота были осушены и засеяны рисом.

Так плыл Каип от острова к острову, замечая всюду перемены.

А те, кто с берега наблюдал за одинокой лодкой и видел в ней худощавого старика с длинной бородой, в белой одежде, спорили и гадали. Одни утверждали, что это обыкновенный браконьер, и удивлялись его храбрости — ведь воровать рыбу днем так же рискованно, как, скажем, плыть в бушующем море.

Другие считали, что это один из тех, кто решил на свой страх и риск искать трех пропавших без вести рыбаков, ушедших на лов неделю назад.

Многие просто терялись в догадках, не зная, что и думать. И кричали вслед лодке Каипа.

Каип не слышал их. Он снова ушел в себя искать не утешений, а истины.

«Я бежал, пробивая себе дорогу сквозь заросли. И только к вечеру, добравшись до дома, заметил, как опухли лицо и руки — мать вынула из моего тела множество колючек и шипов саксаула, когда клала на раны примочки...

Бежал я долго. Обессиленный, остановился на поляне и упал. Страх прошел. Теперь мог спокойно подумать над тем, что увидел в зарослях. Я никак не понимал, что же случилось с Каримбаем и почему он вдруг испугался. И почему дружки его, верные телохранители, вели себя так странно. Может, хотели избить меня за то, что стал я невольным свидетелем слабости хозяина? Чтобы никому не проболтался...

Волнение мое было столь сильно, что я не подумал об

Айше, которую оставил здесь, в зарослях. Я был занят собственными горестями...

Сидел я так до тех пор, пока не услышал рядом чей-то слабый стон. Да, кто-то стонал. Это был стон человека... Я не мог подняться на ноги, стал ползти то в одну, то в другую сторону. Просовывал голову в заросли, смотрел, потом отползал назад. Там, где в зарослях было темно, шупал кусты руками, схватил нечаянно черепаху, закричал и с омерзением отшвырнул ее, хотя никогда ранее не боялся черепах...

Недалеко что-то треснуло. Я пополз туда и в ужасе отпрянул — в кустах лежала и стонала женщина в разорванной одежде...

Я не сразу узнал Айшу. Уговаривал себя, что это не она. Нет, нет, это дурной сон. Я звал ее, другую, мою Айшу. Кричал, но в ответ слышал лишь стон той, которая лежала в кустах...

Вдруг все кончилось. Все звуки, утих ветер. Кругом была какая-то душная пустота. Все стало мне безразличным. Что-то отпустило меня, ушло, и я безропотно простался с тем, что держало мою душу полной и горячей. Почувствовал себя страшно опустошенным...

Айша смотрела на меня, но во взгляде ее не было ни страха, ни мольбы, ни прежней преданности. Была одна лишь усталость...

Я просидел возле нее до утра...»

Ночью на горизонте вспыхнуло множество огней, и Каип понял, что лодку его принесло к городу. Судя по рисунку огней, была это столица рыбаков — Акчи.

VI

Издали поглядев на порт, Каип решил поворачивать обратно. Находиться здесь было небезопасно — могли заметить. Но и уйти теперь отсюда трудно. Мимо лодки то и дело про-

носились сейнеры и баржи, гудели, предостерегая старика, звонили, направляя ему в глаза фонари.

А один раз на лодку Каипа чуть не наскочил небольшой пассажирский пароход. Потом появился и сторожевой катер. И оттуда кричали что-то в рупор Каипу.

Старик греб то в одну, то в другую сторону, но отовсюду его гнали, всем он мешал.

Каип уже совсем отчаялся, проклиная себя за неповоротливость. Но, благо, его заметили с баржи из Песчаного, узнали.

— Дядя Каип! — прозвучало как спасение.

Каип оглянулся и среди множества судов нашел баржу, откуда махал ему Прошка.

Каип подогнал лодку к его барже. Прошка спустился к старику, чтобы помочь привязать на буксир лодку. Всегда спокойный и уравновешенный, как отец, Прошка сейчас безмерно суетился, не сводя со старика преданных глаз.

— Обычно ведь отец приезжает сюда за солью, — говорил он тоном совсем взрослого человека. — Но вчера его отстранили, когда узнали, что в ту ночь он дежурил возле лодок. Послали отца искать вас. Был большой скандал из-за лодки, — Прошка деловито осмотрел лодку со всех сторон и, убедившись, что осталась она в целостности-сохранности, стал рассказывать дальше: — Сегодня вечером я должен был плыть назад. Но потом вдруг подумал, что, если вы потерялись в море, вас обязательно прибудет к порту. Вот и остался. Здесь столько лодок возле порта, голова кругом идет! Днем ждут путину, а ночью спят в море. Вы не знаете, дядя Каип, началось или нет? Боюсь, как бы мы с отцом не прозевали...

Прошка помог старику взобраться на баржу...

И сказал тоном, каким говорил обычно Ермолай:

— Ну, с богом! Хорошо, что лодка осталась целой. Все, что ни делается, к лучшему!

Старая баржа загудела из последних сил и отплыла, ведя за собой лодку Каипа.

Прошка то и дело высовывался за борт и кричал, стараясь развеселить Каипа:

— Ты что, рыбий глаз проглотил, как пьяный? Да, да, это я тебе говорю, приятель! Не лезь, самоубийца, под баржу! Побойся бога!

Каип блаженно сидел в углу, слушал Прошку.

Потом старик погрустнел, вспомнив о том, что солгал Ермолаю. Плывет друг сейчас где-то в море, освещая фонарем все, что чудится ему пропавшей лодкой, бревна, гнилые ящики, переговаривается со всеми, кто попадает на пути, спрашивая, не встречали ли они ошалелого, дурного, глупого старика, не умеющего ни лгать, ни воровать по-человечески, страдающего самого и заставляющего страдать других, сказал, к утру вернусь, и вот уже вторые сутки носит его где-то дьявол.

На Песчаном сыр-бор. Все только и говорят о случившемся. Те, кто сам воровал рыбу, удивляются теперь и осуждают Каипа: как это он посмел? Выбрал время — всех лихорадит из-за путины, каждая лодка на учете и каждый человек на виду.

Эх-хе-хе, благородный, мудрый Каип, муху никогда не обиженный, лучший рыбак Песчаного — вот он, полюбуйте, ворованной рыбки захотелось. Значит, святые и благородные — они всегда внутри гнилые...

Да, непременно скажут так на Песчаном. Лгал он, конечно, по мелочам, как солгал вчера Ермолаю, без этого не обойтись, живя среди людей. Но мелочей не замечали, прощали, а тут крупное вылезло наружу, скандальное...

Прошка давно умолк — значит, баржа вышла из залива в море, в безлюдные воды.

Каип решил поспать. И перед тем как лечь, спросил Прошку: долго ли им плыть до Песчаного?

— К утру как раз и будем, — ответил Прошка. — Вы спите, а я буду смотреть в оба. Может, отца тоже подберем. Он, верно, уже из сил выбивается.

— Он уже на острове, — сказал Каип, чтобы успокоить Прошку.

— Нет, — возразил Прошка. — Сказал — не вернусь, пока не найду Каипа. Вы же знаете, отец страшно упрямый... Но только я оказался упрямее — первым нашел вас...

— Хорошо... — похвалил его Каип и, постелив мешковину, лег.

И как только закрыл глаза, зазвенело и загудело в ушах, запрыгали волны перед глазами, зарябила вода и поплыли белые острова... острова... Чьи-то лица смотрели на него, улыбались, корчили рожи, подмигивали многозначительно, будто собирались сообщить важное для Каипа — словом, пришло все то, что видел старик вчера и сегодня в море.

Такого с ним никогда не случалось раньше — глаза были привычны к морю, оно уже давно не снилось.

Картина исчезла, когда Каип открыл глаза, хотя звон, намного ослабленный, еще продолжался в ушах.

Это была не просто бессонница, это было беспокойство, кошмар, навеянный воспоминаниями об Айше. И Каип подумал, что уже сегодня ночью умрет.

Старик встал и, покачиваясь, взобрался к Прошке в будку — нужно сейчас, чтобы какое-то живое существо было рядом.

Каип увидел, как лучи прожекторов с трудом пробивались сквозь туман — море и ночью не переставало испаряться.

Но баржа шла легко, и Прошка не боялся на что-либо наскочить. Поэтому не звонил он в колокол и никого не тревожил...

Зато другие, невидимые, суда звонили вовсю, сигнала, и звуки эти напоминали Каипу о звоне привратников у порога ада.

Но сейчас старику, как никогда, хотелось жить. Ему нужны еще по крайней мере одни сутки. Всего одни сутки, вот эта ночь и завтрашний день.

— Долго ли человек может продержаться в море без воды? — спросил Прошка, тревожась об отце.

— Можно выпить рыбий сок, — ответил Каип.

— А от усталости?

— Каким бы человек ни был усталым, течение прибьет его лодку к берегу.

— А рифы? А подводные скалы? — не унимался Прошка.

— Рифы страшны только большим судам. Не лодкам.

— Выходит, человек не может умереть в море... Тогда как же?

— Человек умрет, если он сам себе враг, — уклончиво ответил Каип.

— Отец никогда не был себе врагом, — заключил Прошка. И, подумав, спросил: — Неужто вы не устали, дядя Каип? Спите. Завтра может начаться путина — будет всем не до сна. А если и не начнется, все равно найдется работа. Соль заставят крошить. Сядем на берегу и будем крутить маленькие жернова. Ну те, что для рыбьей муки... Подойдут, дядя Каип?

Каип кивнул — мол, подойдут и те, что для рыбьей муки.

— Отцу бы, конечно, дали в Акчи размельченную соль. Его там знают на складе. А меня вот провели за нос. Ну ничего...

— Послушай, Прошка, — перебил его Каип. — Ты должен хорошо знать остров Зеленый...

— Конечно, знаю! — удивился Прошка. — И не раз подплывал к нему. Знаете, там лодки гибнут...

— Есть туда прямая дорога?

— Нет, только через Песчаный. Другого пути не знаю.

— Подумай хорошенько, Прошка.

Прошка помолчал и сказал:

— Подумал, дядя Каип... Можно было бы попробовать отсюда к Зеленому, а потом домой. Но боюсь, к утру не успеем. Скажут, отец скрылся, а теперь и сын — вся семья ненадежная.

А что, если действительно попытаться? Каип сам поведет баржу, обойдет рифы и скалы. Правда, все в море будто сговорились. Никто толком не объяснит, не покажет дорогу на Зеленый, словно догадываются, зачем добирается туда старик — не хотят, из добрых чувств, чтобы Каип покидал мир рыбаков и охотников, простых людей. Простые люди не в тягость друг другу...

Знал Каип, если вернется сейчас на Песчаный, навряд ли сможет потом уехать до самой путины. Непес прикажет сторожам под страхом смерти не давать старику лодку. Посадят Каипа толочь соль, заставят таскать мешки и вязать сети — и будет он все это добросовестно выполнять, пока однажды не упадет, поскользнувшись...

Скорее на Зеленый, любимыми путями, не боясь ничего и не останавливаясь ни перед чем!

Как все-таки быть с Прошкой? Если он к утру не приведет баржу с солью в Песчаный, Ермолаю будет худо. В обычные дни можно еще как-то выкрутиться, сказать, что заблудился. Но сейчас, когда такая везде горячка, когда нужна соль для сушки рыбы, — никаких оправданий! Скажут, как правильно заметил Прошка, вся семья ненадежная.

Нет, старик не имеет права доставлять хлопоты живущим. Ермолаю уже и так досталось из-за него.

Прошка чуть не валится с ног от усталости, Надо заметить мальчишку.

Каип стал за руль, а Прошка лег на мешковину, попросив старика глядеть в оба, может, вдруг появится лодка отца.

Каип слышал, как Прошка долго ворочался, вздыхал и не мог уснуть, все беспокоясь об отце.

Раз уснув, он поспал немного и проснулся, застонав от дурного сна. Поглядел с тревогой на море и опять пошел и лег. Каипа же все будоражили воспоминания, все не давали ему покоя. Старик устал и теперь боялся вспоминать. Попытался отвлечься, думать о чем-то другом, ну, скажем, об острове рыба-надзора, где когда-то баи-перекупщики издевались над ним, требуя, чтобы уважаемый Каип уговорил рыбаков Песчаного топить лодки и рвать сети, не отдавая их в артель. О чем бы старик ни вспоминал из своей долгой жизни: об этих баях-перекупщиках, о раненном ли на фронте сыне, которого вез на лодке из Акчи и тоже заблудился, о грустном ли времени, когда его, бригадира, таскали в суд — разворовали на Песчаном рыбу, а кто, так и не выяснили, вот и вызывали Каипа, чтобы привлечь к ответу, — как бы ни задумывался над прожитым, везде он был прав перед самим собой, сколько бы ни пытались доказать его неправоту другие. Кроме истории с Айшой, тогда, в юности, во всем остальном старик был честен и справедлив и никому не причинял страданий...

Наоборот, всегда получалось так, что он страдал за справедливость, и только мудрость помешала ему стать злым и наделать новых ошибок, за которые пришлось бы потом держать перед собой ответ.

«Я тогда не мог больше жить на острове, решил уехать. И не потому, что начались разговоры, осуждения или насмешки — тогда еще никто не знал о случившемся... Стали узнавать позже, через много дней... — вспоминал старик.

Решил, что все мы — и Каримбай, и Айша, и я — виноваты в том, что произошло в зарослях... Разве не был прав я в своих опасениях? Ведь предупреждал Айшу, даже запирал ее дома. Но, видно, она дала Каримбаю какой-то повод — и вот случилось это несчастье...

Вечером я пришел на поляну, где сидели люди, и сказал, что уезжаю на заработки. Айша должна будет ждать моего возвращения и выйти замуж лишь в том случае, если выловят

в море мой труп. И, когда все убедятся, что я мертв, Айша могла быть свободной...

Утром, когда я еще спал, набираясь сил для дальней дороги, Айша побежала по острову, крича старухам, сидящим молча на валунах: «Уходит моя отрада, мой жених...» Так было принято у нас провожать женихов: я и Айша должны исполнить прощальный обряд...

Старуха поймала Айшу за руку и угрожающе шепнула ей: «Говори, изверг! Теперь он изверг!»

Не могла Айша вынести такого, вскрикнула, закрыла лицо длинным рукавом. А старухи внушали ей, толкая ко мне в дом: «Не с тобой одной так, не с тобой одной...»

Айше было страшно — равнодушные глаза старух горели отчаянным блеском мести. Несколько старух вбежали в дом и стали будить меня, бить по спине. Я стонал. Били по лицу черными сухими руками. Потом били ногами, такими же черными и высохшими, отчаянные старухи, возраст которых трудно определить. Казалось, родились они такими и вовсе не изменились с тех пор, оставаясь уродливыми и старыми...

Мстили они мне за юность, ибо только мужчины на острове имели возраст. А когда устали бить, повели во двор. Я не имел права сопротивляться. Я уходил с острова, а по обычаю мужчина, который уходил, бросив невесту и дом, должен был быть избит чужими женщинами и своей невестой...

Я лег на песок, чтобы передохнуть. Одни лишь овцы были участливы — подходили и обнохивали меня со всех сторон. Вышла Айша, посмотрела на меня. «Пора поднимать его», — сказала старухам. И в тоне ее уже не слышалось сострадания. Лицо искривилось, в ней самой пробудилась месть, стоило Айше посмотреть, как старухи бьют меня...

Пока женщины снимали шестами сухие туши баранов, висящие на стене дома, Айша быстро приготовила мне оживляющий напиток из бараньего жира, смешанного с корой саксаула и приправленного солончаковой травой. И вдруг опять

закричала, когда я внимательно посмотрел на нее, страх и сострадание вновь вернулись к Айше. Но как только старухи осуждающе взглянули на нее, она тут же бросилась на меня, села мне на грудь и выкрикнула проклятие...

Недалеко на поляне сидели старики. Песок был мягкий, первородный, принесенный сюда за ночь из дальних мест острова. Песок этот нагонял лень, приятное искушение и тоску. «Тепло и хорошо здесь», — услышал я чей-то голос. «Да ведь это чьи-то тела. То тепло, которое было в людях, оно не уходит даром», — согласились с ним. «Смерть очищает все, — слышал я голос. — Каким бы человек ни был грязным при жизни, песок его всегда чистый. Странно...»

Кто-то показал в мою сторону: «Вот и отец его гнусный был. А прошлой зимой в пустыне я нашел его останки. Решил перенести в пещеру, чтобы похоронить, поднял, но останки рассыпались. И удивился я тому, что и его песок белый...»

Черные были старики, морщинистые и угрюмые. Смотрели друг на друга исподлобья узкими, скрытыми глазами. Они пропустили меня на середину круга. И я стал, опустив голову...

Старухи принесли в глиняных подносах мясо. Сели со стариками, а Айша пошла с подносом по кругу. Ели молча и жадно. И бросали кости к моим ногам...

Когда поедят и скажут заповедь «Мир страннику», я беру кости в мешок, погружу в лодку и повезу с собой. И должен буду возить их до тех пор, пока не вернусь обратно домой, — это чтобы не забывал свой род, а забуду, съедят мой труп рыбы в море...

Поели все и стали поглядывать на меня. Я же ходил полусогнутый и собирал кости в мешок. Только изредка смотрел на Айшу, довольный своим возмездием. Стояла она еле живая, как будто догадывалась о злом моем умысле...

Айша помогла мне взвалить мешок на спину — мешок тяжелый, съедены четыре овцы, и старухи погнали меня из

поселка. С трудом взобрался я на бархан, много раз падал и, выбиваясь из сил, пришел к кладбищу. Смерть — случайность, вот и выбрали люди самое заброшенное место для кладбища, не заботясь ни о красоте, ни о вечности останков...

Я с мешком за плечами, Айша и старухи следом ходили и искали могилу праотца-родоначальника. Все холмики одинаковые, и, хотя никто не был уверен, что холмик этот действительно принадлежит праотцу, старуха сказала: «Вот здесь!» И все мы опустили на колени...

Старуха плеснула на холмик кувшин воды, и все стали перебирать песок, размешивая с водой. «Повторяй! — приказала мне старуха. — Я оставляю очаг, где родился...» Я закрыл глаза и как можно жалобнее стал повторять. Старушечьи руки потянулись к моему лицу, мазали мне лоб, щеки и губы глиной. «...Если забуду родину, то умру, съеденный рыбами...»

Айша, делавшая все, как полагается по ритуалу, вдруг застонала, услышав эти слова...

«Если убью я человека, пусть выколет мне глаза слепой буран», — повторял я за старухой. Айша зарыдала и принялась бить меня по спине. «Прости!» — кричала она. Старухи бросились оттащить ее от меня, но Айша цеплялась за мои ноги, все прося прощения. Я поднялся и быстро побежал прочь с кладбища. И бежал так до самого берега, где стояла моя лодка. Греб потом и греб без передышки, уплывая все дальше и дальше от острова, где навсегда оставлял Айшу искупать свой грех страданиями и одиночеством...»

VII

Прошка спал очень беспокойно. Он часто стонал, переворачивался то на живот, то на спину, сжимался в комок, потом, видно, у него отекали руки, и он разбрасывал их, устраи-

ваясь поудобнее. Прошка всегда плохо спал в море, лунный свет будоражил его, навевая тревожные сны.

Снился Прошке Зеленый. Как лодки в прилив не могут никак пристать к берегу. И как поднимаются они потом, звеня, к луне по белой лунной дороге, плывут, плывут наверх и растворяются в тумане...

Каип по-прежнему бодрствовал у штурвала. К старику вернулось душевное равновесие.

Долго баржа плыла в полумраке, а теперь вышла на лунную дорогу.

Дорога эта, местами белая, местами матовая, местами серая с зелеными пятнами, начиналась у далеких берегов, шла через все море к Песчаному, освещала лица спящих возле лодок у причала, затем снова сползала в море и белым мостом перебрасывалась на остров Зеленый, уходя потом и оттуда через тысячи островов на другой берег, в степь и в города, связывая всех живущих на земле вечным братством...

Теперь и Каип плыл по этой дороге.

Вначале неуверенные, руки его вскоре привыкли к штурвалу. Старик был спокоен, зная, что к утру придет баржа к Песчаному и Прошка сможет встретиться с родными.

А как он сам, Каип? Что он будет делать потом, вернувшись на Песчаный? Где возьмет лодку, чтобы снова плыть к Зеленому?

А может, предки слишком рано позвали его? Может, он еще не прожил сполна дни, которые отпущены ему?

Да, похоже на то, что чем больше на пути Каипа препятствий, тем больше он мужает и крепнет, чтобы преодолеть их.

Прошка уже выбился из сил, а он, старик, может работать без усталости до самого утра — борясь с жизнью, смерть пока что отступает... Желание стоять на ногах и не падать еще сильно в старике, но ведь все это не вечно.

Значит, надо продолжать. Пока есть воля, не растрчивая

ее, плыть к берегам Зеленого. Завтра же. Если не удастся достать лодку, попытаться самому, вплавь.

Ладно, сейчас надо меньше думать об этом. Сейчас Каип должен привести баржу на Песчаный. Путина может начаться в любой час. И, если не успеют перемолоть соль, неприятности ждут всех. Не станут разбирать, кто прав, кто виноват, позеленевшую, вздутую от жары рыбу закопают в песок, и только голодные собаки будут бродить по поселку, волоча за собой рыбы кишки.

Каип вздохнул и вновь предался воспоминаниям — невеселым и неторопливым.

«Я поселился совсем рядом, на Песчаном. И, чтобы не быть здесь чужаком, пришлось жениться на девушке, которую привели мне старики. Для всех я был веселым, беспечным парнем. Много и беспричинно смеялся, распевая песни в море, боролся на песке со своими сверстниками, частенько дрался в кулачном бою.

В Акчи на ярмарке купил себе большую лисью шапку и желтые сапоги и прогуливался в них по берегу, обмениваясь шутками с нашими островными красавицами. Люди не зло смеялись над моими выходками: повзрослеет — образумится, станет, как и все, умножать свой род, будет хорошим рыбаком и работником...

С тех пор ни разу не пришлось мне съездить на Зеленый. Семья, заботы, сын родился... И время началось очень сложное, бурное, надо было разбираться не только в себе, но и в окружающих...

Исчезали с островов всякие ростовщики-благодетели, перекупщики, а с ними и обман, бедность — острова побратались, труд сблизил людей, и те, кто раньше чуждался друг друга, объединились в одну большую рыбацкую артель...

Ермолай уговорил меня переплыть с ним море, чтобы отомстить наскльникам — Каримбаю и его дружкам. Сам бы я никогда не решился на такой шаг, ибо знал по горькому

опыту, что месть — это не самое лучшее, чем можно ответить на зло. Знал я теперь и другое: каждый человек сам рано или поздно, размышляя, приходит к очищению. А если и не успеет в этом мире, очистит его другой, новый мир, к которому он уйдет...

Когда мы приплыли в Акчи, оказалось, что отец Каримбая, заводчик, убит теми, кого он притеснял, а сам Каримбай сослан на безлюдный остров. Пришло и для него время поразмышлять!..»

Лунная дорога постепенно растворилась, опускаясь на дно моря, рассветало.

Теперь оставалось миновать еще один островок, а оттуда до Песчаного рукой подать.

Островок этот, сонный и прохладный, неожиданно появился слева. И Каип вдруг подумал, что нужно сойти здесь, чтобы раздобыть лодку у родственника.

— Прошка, — позвал он.

Прошка, уже одолевший крепкий сон и теперь лишь дремавший, быстро поднялся.

— О, уже Серный, — сказал он с некоторым смущением, ругая себя за то, что проспал весь путь и не заменил старика. И, видя, что баржа чуть отклонилась от курса и плывет к Серному, спросил с недоумением:

— Вы решили набрать воды, дядя Каип?

— Нет, я останусь здесь... Вон уже и Песчаный виден.

Остров на горизонте был действительно Песчаный.

— Лодку сдай отцу. Скажи, что я... — Каип хотел добавить, что сожалеет о случившемся, но решил, что Ермолай так и поймет.

— Значит, уходите? — переспросил Прошка, огорчившись.

А зачем Каип уходит, так и не решился спросить — почитал неприличным.

Родственник, о котором вспомнил Каип, был председатель артели Аралов.

Домик председателя ничем не выделялся среди рыбацких построек — наполовину осел и ушел в песок, худые стены выветрились, а крыша из водорослей давно сгнила и торчала комьями, будто ворошили ее вилами.

В свободные дни хотели рыбаки починить председателю дом, перестелить крышу и уже выловили в море водоросли, но Аралов все отмахивался: как-нибудь потом, после путины...

В Серном знали, что Аралов давно уже помышляет бросить все и уйти на покой, знали и боялись этого. Посоветовать ему что-либо стеснялись, но тихо и негласно делали все так, чтобы не давать ему повода для ухода.

Родом же Аралов был с Песчаного, но редко бывал там, посылал заместителя. Там, на Песчаном, было к нему другое, недоброе отношение.

Обычно, когда Аралов появлялся на островах, рыбаки — впереди начальники пониже Аралова рангом, бригадиры, рыбнадзоры, передовики, а сзади все остальные — сопровождали председателя, показывая ему поселок и свои достижения, лодки и сети. На Песчаном же все до единого продолжали сидеть на берегу, разговаривая на отвлеченные темы, и Аралов в одиночестве бродил по острову, осматривая хозяйство, прыгал через саксауловые ограды, отбивался от голодных псов и, все осмотрев, подсчитав, молча садился на катер и отплывал.

Землякам на Песчаном было как-то неловко от мысли, что Аралов — сам рыбак, отец и дед его рыбаки, Аралов, которого они женили, научили плавать в море и отличать леща от осетрины, этот самый Аралов — не рогатый, не семи пядей во лбу — поставлен над ними начальствовать.

И вообще, рассуждали на Песчаном, нужен ли им Аралов? Рыбаки сами, когда нужно, натягивают сети, гонятся за кося-

ном и ловят рыбы столько, сколько дает им море, ни на рыбешку больше или меньше, ведь как же иначе, это их дело, а кто увильнет от дела, тому самому худо будет, не Аралову. Голодать председатель не станет.

Конечно же, будь председателем другой, не Аралов, и на Песчаном ходили бы за ним по пятам, заглядывая в лицо, не улыбнется ли начальство, чтобы и им улыбнуться, и не захочет ли оно над собственной шуткой, чтобы и они тут же захохотали.

Ведь помнят же все Сапарова, бывшего председателя. Тот не терпел ни на чьем лице ухмылочку, топал ногой, гордец, тут же уползал к себе в хижину.

...Аралов был председателем множества островов, крупных и мелких, безымянных. И, чтобы даже бегло осмотреть все хозяйство, требовалась целая неделя.

И месяца не проходило, а летчики уже снова радировали ему — на территории артели вылез из воды новый островок, бывший риф или подводная скала.

Надо было отправиться туда, объездить островок, измерить его, проследить, куда ушло теперь течение и какова глубина моря возле берегов, подумать о будущем устройстве суши.

Соответственно менялись теперь и рыбы маршруты, направление косяков — надо было сидеть и все это подсчитывать, меняя планы годовых уловов.

...Каип, так и не уснувший в доме председателя, сидел на крыльце и смотрел, как шел в темноте, спотыкаясь, усталый Аралов.

— Ты кто, старик? — спросил Аралов у незнакомца, сидевшего мирно у его дома.

— Каип я. Двоюродный брат твоей матери.

— Заходи в дом!

Боясь, как бы Аралов не завалился спать на все утро и весь день, Каип заволновался.

— Мне нужна лодка, аксакал, — сказал он просто, чтобы не вызвать подозрений.

— Что? — помрачнел Аралов. И захохотал, крича в дом: — Слышала, жена, нашему родственнику понадобилась лодка!

— А ты дай ему, — сказала жена, выйдя из дома, полусонная, ворчливая.

— Сговорились! Родственнику не дам ни лодки, ни рыбы! — Аралов ввалился в дом и, бросившись на кровать, поспел, поворочался с боку на бок и уснул.

— Отоспится — поподреет, — сказала жена и, оставив Каипа у крыльца, ушла досыпать.

Каип зашагал вдоль берега, осматривая остров и поселок. Уже рассветало. Зашевелился пар, спрятавшийся ночью на крышах, зашевелился, поднялся густым туманом и пополз обратно в море. Облизал все дома, весь остров, унося запахи гнилой рыбы, словно был это теплый дождь.

Каип весь дрожал с ног до головы, борода растрепалась.

Слышал он, как море, приняв пары, устало вздохнуло, зарябило волнами и снова притаилось, готовясь к работе нового дня, день же ожидался на редкость трудный и напряженный.

Все вокруг на мгновение затихло, потом застучали двери и окна, зажурчала вода в котлах и повалил дым из печей — проснулись и рыбаки. Принялись латать сети, смазывать лодки и толкать их в воду. Лодки запрыгали, заволновались, все: и люди, и лодки — соскучились по путине.

Чуть позже проснулись и птицы — зашуршали в песке, забегали в кустах коршуны, серые фазаны и песчаные чайки...

С тех пор как рыба ушла с поверхности моря в глубины, птицам стало трудно прокормить себя, вот они и поселились на островах, сделавшись прихлебателями рыбаков. И просыпались они теперь позже людей, чтобы подобрать после утреннего лова все мелкое и несъедобное.

Когда птицы поугомонились, послышался над островом рокот самолета, выслеживающего косяк.

Рыбаки, прикрыв глаза от солнца, искали в небе разведчика: чувствовали они безошибочной рыбацкой интуицией, что нынче обязательно должен начаться большой лов.

Сделав два круга над головами людей, самолет приветливо помахал крыльями и полетел низко, словно пил воду из моря.

Вот вышел к рыбакам и бригадир. Собрав людей, он стал что-то объяснять, хмуро поглядывая на каждого, чтобы слова его принимались всерьез, как приказ.

Рыбаки закивали в ответ, затем разошлись — побежали мимо Каипа, неся весла, кувшины с водой, торопились к лодкам, снимая с подвесок сети.

А бригадир пошел по поселку, стуча в двери и окна, прося о чем-то, объясняя и угрожая.

Кажется, начинается, подумал Каип, заторопился к дому Аралова и застал председателя за рацией.

— Не пугайте меня, ради бога! — кричал высшему начальству Аралов. — Конечно, самое трудное достается нам! Нет, я не говорю, что вы бездельничаете, боже упаси... Проверьте лично, пожалуйста! Море? Как будто спокойно. Приезжайте!

Аралов минуту сидел спиной к Каипу, обдумывая, видимо, план действия, затем встал и сказал старику:

— Кажется, сегодня выступаем...

— А как же я, аксакал? — засуетился Каип. — Заклинаю тебя перед прахом двоюродной сестры твоей матери...

— А куда тебе?

— На Зеленый. За полдня управлюсь. Давай самую захудалую, не обижусь.

— На Зеленый? Постой, зачем тебе лодка? Через час пойдет туда баржа из Акчи, она и заберет тебя. Договорились? Ступай на причал и жди.

— С баржой это ты умно придумал, — удивился Каип тому, как скоро решилось его дело, и поплелся к причалу.

И действительно, вскоре в прибрежных водах появилась баржа с санитарным крестом, закричали в рупор:

— Эй, кому в больницу?

Каип, задремавший было, несмотря на шум и суету, быстро очнулся и побежал через камыши к барже, боясь, как бы матрос, не дай бог, не передумал и не уплыл без него. Матрос же, наоборот, оказался парнем учтивым. Он помог Каипу взобраться на баржу и даже постелил на отсыревшие ящики мешок, чтобы старик не простудился.

И баржа отчалила, взяв курс на Зеленый.

Каип поудобнее устроился на ящиках, сказав самому себе: «Ну, с богом, старик», — и решил ни о чем не думать, постараться задремать, а там видно будет.

Хотя и не спал Каип две ночи, но чувствовал себя сносно.

Вдруг он поежился: кто-то смотрел на него пристально, значит, был он не один здесь, на барже.

Смутное беспокойство охватило Каипа, когда увидел он, что в самом конце баржи сидит и не сводит с него глаз молодая женщина.

Каип, уставший за эти дни от множества людей, хотел сейчас в одиночестве опять приблизиться к своему внутреннему богу, с которым не успел еще обо всем договориться.

И еще этот молодой матрос все время выглядит из своей будки, делает какие-то непонятные знаки, неизвестно, ему ли, Каипу, или женщине, чмокая при этом. И, видимо задумав что-то важное, оставляет штурвал и баржу на произвол судьбы, выбегает, пробирается мимо ящиков, беспокоит Каипа и стоит, и смотрит на море, не зная, как заговорить со столь необычной для здешних мест женщиной — высокой блондинкой с холодным нерусским лицом.

Суету развеял матрос, опечалился Каип.

А тут еще и сама женщина — была она литовкой, прак-

тиканткой — начала о чем-то спрашивать Каипа на непонятном языке из ломаных русских и литовских слов.

Не может ли папаша рассказать ей кое о чем, ведь она впервые в этом море, очень не похожем на море ее родины, она не успела ни о чем узнать в Акчи, все там торопились, говоря о путине, посадили ее на баржу, сказав, что на месте, в больнице, познакомится с местным бытом и здешними людьми; и как она рада, что оказалась попутчиком папаши, который внушает ей уважение своим мудрым видом и спокойствием; сколько папаше лет, и чем он болен, и какие рыбы водятся в здешнем море; слышала она, что водятся и ядовитые, правда ли это; и как сейчас в смысле многоженства, искоренен ли полностью этот порок; и какой здесь процент русских; и давно ли они поселились в этих краях; и вообще, как она, литовка, должна вести себя, чтобы не оскорбить национального чувства островитян; может быть, папаша слышал о некоем Балдонисе, геологе, который уже много лет работает на островах? Она умоляет папашу помочь ей, ибо она растеряна от незнания многих вещей...

Женщина говорила и говорила, смотря прямо в глаза Каипу. Речь ее непонятная была, однако приятна для слуха — говорила она вежливо, учтиво, словно пела песню своего далекого моря.

Каип смотрел на нее, смущаясь, — из всего сказанного литовкой понял, что она просит о чем-то, находясь в трудном положении.

Матрос тоже слушал литовку, сильно озадаченный. И метался взад-вперед, готовый помочь ей.

— Бедная, ее мучает жажда, — сказал матрос так, будто речь шла о птице. И принес литовке воду в кувшине.

Она выпила только глоток, поблагодарила. И, догадавшись, что на барже никто ее не понимает, погрузстнела.

Матрос взял кувшин и пошел к себе; женщина эта стала для него еще более загадочной.

Все молчали. Только гудела баржа и плескалась вода за бортом. У Каипа было тяжело на душе. Впервые он не смог помочь человеку, который просил его о чем-то, видимо, важном.

Литовка снова уединилась, занятая собственными мыслями.

Матрос больше не оборачивался. Море в этом месте за-капризничало, и баржу стало относить в сторону. Понял матрос, что в море шла большая внутренняя работа, такая, как бывает нередко перед затмением солнца.

Потом матрос услышал гул. Далеко кричали и волновались люди.

Так могли кричать только собранные вместе тысячи людей.

— Не путина ли началась? — заволновался матрос, обзревая горизонт в бинокль.

И там, впереди, куда шла его баржа, увидел множество лодок, катеров, траулеров и всяких других морских судов.

Вся эта плавучая сила пыталась выстроиться в один длинный ряд, чтобы запрудить море, но, собираясь вместе, лодки тут же разбегались, словно их что-то пугало.

— Путина! — закричал матрос своим пассажирам. — Рыба пошла! Улю-лю-лю! О-ле-ле! — и пожалел. Словно криком навлек беду.

Откуда-то сбоку появился весь в пене загнанный катер, и матрос получил приказ замедлить ход.

Баржа покачнулась вправо-влево и остановилась.

— Куда плывешь? — спросили с катера.

Матрос побледнел, узнав рыбнадзора Али-бабу, и, хоть по роду службы не подчинялся ему, испугался.

— В больницу, товарищ инспектор. Везу лекарства, женщину-доктора и старика.

Каип весь сжался от тоски, умоляя бога избавить его от придирок Али-бабы.

Катер, ударив боком баржу, прижался к своему тихоходному собрату. Али-баба поднялся во весь рост, желая как следует отругать нарушителя, но, увидев молодую литовку, чуть смягчился.

— Ты что, приказа не слышал? — пожурил он матроса, виновато стоящего у борта.

— Мы вышли рано, товарищ Али-баба... И доктор торопилась. — Матрос с мольбой посмотрел на литовку, прося ее заступиться.

Но, увы, она ничего не понимала. Наоборот, ей казалось, что встретились в море два приятеля и, как принято между матросами, остановились, чтобы обменяться приветствиями.

— Что это за женщина? — спросил Али-баба.

— Везу на работу. Приезжая. Ни слова не знает по-нашему. И мы ее не смогли понять со стариком, — охотно объяснил матрос.

— Виноват, — обратился к литовке на плохом русском языке Али-баба. Был он приветлив и показался женщине симпатичным. Он, Али-баба, который находится на службе, охраняя закон и порядок, просит прощения у гостьи и надеется через несколько дней, когда закончится путина, лично доставить ее на своем катере в больницу. Сейчас же он вынужден отправить баржу обратно в Акчи, ибо море на их пути закрыто сетями и лодками — всякое постороннее судно обязано не мешать путине.

Литовка многое поняла, растерялась. И, когда стала торопливо отвечать Али-бабе, тот только удивленно смотрел на нее. Она была бы не против, если бы инспектор отвез ее на катере в больницу... Возможно, он ей многое объяснит... Кстати, не знает ли инспектор, где сейчас находится ее земляк Балдонис?

Али-баба помрачнел — надо было отплывать дальше, помахал литовке, мол, все будет в порядке, не волнуйтесь, и приказал матросу:

— Отчаливай!

— Есть! — обрадовался матрос, все для него относительно мирно окончилось.

— А старика оставишь со мной, — как бы между прочим сказал Али-баба. — Надеюсь, он не болен?

— Нет, нет, я его не знаю. Пристал — отвези, мол, и все...

— Прекрасно! Он сейчас как раз нужен для дела.

Али-баба ни о чем не расспросил старика, когда тот перешел к нему на катер, сделал вид, что не узнал. Торопился, было не до расследования.

Каип оказался не единственным, кого он сегодня задержал.

Четыре других незнакомых ему старика дремали в углу судна, прижавшись друг к другу, словно были братья. И никто из них даже не взглянул на только что пойманного.

Катер сделал прощальный круг — литовка, недоумевающая, смотрела на Каипа, — и Али-баба повез старика туда, где шла в море большая долгожданная работа.

...Вот уже отчетливо видны лодки и люди с сетями. И где-то среди сотен людей братья Каипа, рыбаки Песчаного.

Море вдруг сжалось, потом отпустило свои воды, и вода там, за сетями, забегала, засуетилась после стольких дней спячки, сети тяжело надулись парусами, и Каип чутким ухом услышал, как заметалась, заговорила бесхитростным языком попавшая в ловушку рыба.

И по тому, как надулись и стали уходить под воду сети, Каип понял, что улов на редкость удачный, принесет он в дома рыбаков достаток и веселье.

Теперь надо работать и работать, чтобы окружить и поднять из глубин моря весь этот огромный косяк, потащить сети к Песчаному, а оттуда отвезти рыбу в столицу рыбаков Акчи, на заводы...

Старик все же добрался наконец к себе на родину, остров Зеленый.

Сошел благополучно на берег, поцеловал землю, посылая ей привет и прося благословения, и тихо пошел затем в глубь острова к роднику...

Каипа долго искали. Не было на Песчаном человека, который бы не выходил в море и не кричал, увидя лодку в тумане: «Отец Каип! Отец!»

Затем мало-помалу стали вспоминать разные истории, связанные со стариком. Больше других знал о Каипе Ермолай.

Вот, к примеру, этот холм, рассказывал Ермолай землякам. Часто в бураны холм сбрасывал с себя корку соли, раздался. А откуда берется соль — была загадка для Каипа.

Думал старик, что соль, возможно, лежит внутри холма пластами, пробовал копать, но ничего не обнаружил, кроме нескольких кусков обожженной глины: видимо, холм был некогда замком, а может, целым городом.

Понял Каип: вот отчего овцы не лезут на холм, сколько ни гони их туда — соль умерших городов горькая и ядовитая.

Не так давно в холме этом копался приезжий человек.

Платил пришелец деньги, и островитяне дружно помогали ему искать, как им казалось, клад. Вместо клада раскопали они стены и каменного человека с гнусным лицом — идола. Сидел он под песком, сложив руки на груди, и думал. Вытащили гнуснолицего на солнце, а он все продолжал думать. Стали смеяться над ним островитяне, но пришелец толково объяснил всем, что был здесь некогда монастырь и что этот гнуснолицый — бог. Тут все еще больше стали смеяться, зная, что бог, которого видели люди, уже перестает быть богом.

...Вспоминал, вспоминал о друге Ермолай... Но вот вернулся с Зеленого рыбак, который лежал там в больнице, божился он и клялся, что видел Каипа живого-невредимого —

мол, сидел старик на поляне и играл на свирели, а змея, прирученная им, поднимала голову и, разглядывая зевак вокруг, танцевала. И еще рыбак божился, что был старик не один, сидела с ним и держала корзину для змеи его старуха.

«Какая старуха? Что за чепуха?» — заволновались островитяне. И, чтобы проверить все, решили послать на Зеленый баржу.

Сегодня на рассвете Ермолай и сын Каипа Аллаберген отчалили к Зеленому.

Прошка долго плыл за баржой, но отец все прогонял его.

Потосковав, Прошка вернулся на остров и сел на берегу, дожидаясь их благополучного возвращения...

